

УДК 94 (47 + 57)

ББК 63.3 (2) 62

К 82

Е.Ф. Кринко

«Мы здесь в одной из самых больших в мире мясорубок...»: лики и образы Второй мировой войны в дневниках Эрнста Юнгера

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье анализируется книга дневников знаменитого немецкого писателя и мыслителя Э. Юнгера «Излучения» как своеобразный источник по истории, психологии и философии Второй мировой войны, рассматриваются возможности и перспективы ее использования исследователями в понимании самого феномена войны.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, Восточный фронт, Германия, дневники, «Излучения», источники, национал-социализм, немецкая оккупация, третий рейх, Эрнст Юнгер.

Вопросы взаимодействия художественной литературы и профессиональной историографии в освещении событий Второй мировой войны не раз привлекали внимание отечественных исследователей.¹ Несмотря на различия в задачах, стоящих перед историками и писателями, их творчество всегда тесно переплетается, а интерес друг к другу носит обоюдный характер. С одной стороны, многие писатели описывают события военных лет, опираясь на исторические источники официального и личного происхождения, фактический материал представляет для них не только фон, на котором действуют герои художественных произведений, но и источник для создания типических образов. С другой стороны, литература военного времени является одним из видов исторических источников, а созданные художественные образы нередко стимулируют историков к собственному исследовательскому поиску.

Особое значение в отражении событий военного времени имеют дневники писателей, менее связанных формализованными требованиями, и нередко не только эмоционально, но и более глубоко передающих смысл увиденного и понятого ими на войне, чем профессиональные историки. Отвечая во время войны на вопросы Американского Телеграфного Агентства, К. М. Симонов писал: «Что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же, как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Чтобы они ни писали во

время войны и как бы их за это не хвалили читатели, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне за войну, окажутся именно их дневники».²

Разумеется, в тот момент К. М. Симонов несколько преувеличивал значение писательских дневников, в чем и сам признался уже после войны. Тем не менее, дневники писателей – фронтовиков не только содержат немало ценных сведений о военных событиях, но и позволяют представить различные лики и образы войны. Безусловный интерес представляет и такой практически неосвоенный отечественными исследователями военной темы источник как дневники оригинального немецкого писателя и мыслителя Эрнста Юнгера (1895–1998).³

В литературном наследстве Юнгера дневники вообще занимают чрезвычайно важное место, составляя фактически основу его творчества. Юнгер вел дневник всю жизнь, даже в годы существования в Германии нацистского режима, что могло оказаться для автора небезопасным. Уже первая книга писателя «В стальных грозах» (1920) представляет собой дневник участника Первой мировой войны,⁴ ее событиям посвящены и другие работы писателя – «Лесок 125. Из хроники окопных боев 1918 года», «Огонь и кровь. Маленький фрагмент великой битвы» (1925).

Впечатления Э. Юнгера времен Второй мировой войны описаны в «Излучениях», со-

стоящих из нескольких частей. «Сады и улицы» охватывают период с апреля 1939 г. по июль 1940 г., когда Юнгер после ряда заграничных путешествий обосновался в местечке Кирххорст, близ Ганновера, завершая одно из самых известных своих художественных произведений – роман «На мраморных скалах». В 2002 г. в серии «Дневники XX века» на русском языке изданы четыре других книги «Излучений» в переводе Н. О. Гучинской и В. Г. Ноткиной. Записи в «Первом Парижском дневнике» связаны с пребыванием Юнгера в оккупационных войсках во Франции, с 18 февраля 1941 г. по 23 октября 1942 г. «Кавказские заметки» начинаются 24 октября 1942 г., заканчиваются 17 февраля 1943 г. и посвящены командировке в Россию. Продолжение службы во Франции с 19 февраля 1943 г. по 13 августа 1944 г. охватывает «Второй Парижский дневник. 1943. 1944». «Кирххорстские листки», описывающие период после увольнения Юнгера из вермахта, начинаются 14 августа 1944 г., последняя запись датирована 11 апреля 1945 г. Завершает «секстет» мемуаров книга «Хижина в Вайнберге. Годы оккупации», в которой рассказывается о последствиях войны и послевоенном времени.

Указанные произведения не являются первоначальными записями, они не раз подвергались дополнительной переработке. Сам Юнгер признавался в том, что время «меняет их содержание, как брожение и зрелость меняют вино, хранящееся в глубине погреба. Его нужно только еще раз осторожно перелить, освободив от осадка... многое я разбрасываю по тексту в виде намеков, своего рода мнемонических клейм. Лучшая оправа для первого впечатления создается путем неоднократных усилий, вдохновенных переписок».⁵ Поэтому сам жанр дневника в привычном источниковедческом понимании как записей, сделанных во время происходящих событий, для «Излучений» достаточно условен.

По словам исследователя творчества Юнгера Ю. Н. Солонина, его мемуары являются «уникальным свидетельством интеллектуального переживания войны человеком, создавшим культурно-философское и психо-антропологическое обоснование ее как фундаментальной формы жизни человека и затем все же пришедшим к отвержению ее положительного смысла».⁶ Действительно, на содержании днев-

никовых записей в значительной степени повлияли особенности философии творчества Э. Юнгера. В центре внимания автора находятся, прежде всего, его собственные переживания. Бытовые детали или психологические портреты, детальная фиксация происходивших событий мало интересовали писателя, задача которого заключалась в осмыслении самого смысла человеческого существования, его глубинных основ, а ключевым средством изображения выступали ассоциации и аллюзии.

Немало внимания в дневниках отводится описаниям природы, взгляд автора постоянно приковывает то ива, то подснежники, то «сокол цвета светлой ржавчины, опустившийся на куст шиповника». Особенно много места уделяется насекомым, радости ловли которых для Юнгера «похожи на душ, смыывающий пыль службы». Это изысканное занятие, по его словам, способствовало «сохранению чувства собственного достоинства как образец свободного волеизъявления».⁷ Даже в конце войны, когда Германия находилась на пороге неминуемого поражения, он находил возможным отмечать: «Из-под тонкого покрывала уже мощно пробиваются ростки, например, крапивы, зеленым звездным великолепием выбивающейся из старых, пожелтевших корневых стеблей. Вот настоящая сила, более реальная, чем тысячи самолетов».⁸

В данной связи Ю. Н. Солонин справедливо указывает: «Емкость описания объектов органической природы – насекомых, растений, моллюсков – у Юнгера зачастую более красочна и образна, чем точность описания мира людей».⁹ Действительно, порой создается впечатление, что взгляд Юнгера лишь скользит по людям, его окружавшим, в то время как описания ландшафта или погоды выглядят удивительно яркими и точными. Но, несмотря на всю мимолетность впечатлений от людей, он все же находит им место в своих дневниках, и порой посвященные им слова звучат оптимистически: «В людских душах еще таятся семена, они смогут вновь дать всходы, когда смягчится непогода и появится солнце».¹⁰ Позже, продолжая осмысливать место и роль человека в условиях диктатуры и мировой войны, он писал о том, что все чаще представлял его «страдальцем, зажатым меж зубцов и валов некой машины, раздавливающей ребро за ребром, член за чле-

ном; при этом он все же не может умереть, быть может, он даже побеждает».¹¹

Обращает на себя внимание то, что круг друзей, близких и знакомых Юнгера включал немало известных европейских писателей, поэтов, артистов, художников, режиссеров. В Париже его неслучайно называли «культурным атташе Германии», он встречался там почти со всеми выдающимися деятелями французской культуры и искусства, которые оставались в оккупированной столице. Среди них были Пабло Пикассо, Саша Гитри, Жан Кокто и другие представители творческой элиты. В дневниках встречаются отдельные любопытные штрихи их быта, но сами они, «как живые личности», в тексте отсутствуют.¹² Напротив, значительное место в «Излучениях» уделяется описанию снов, как самого автора, так и его близких, в чем, безусловно, сказывается влияние психоанализа К. Юнга. Вслед за ним Юнгер утверждал, что некоторые сны «возвращают нас в доветхозаветные времена, к дикой первоматерии человечества. Лучше промолчать о том, что в них видишь».¹³ И, конечно же, дневники полны рассуждений и сомнений автора о прочитанных книгах, пропущенных через себя разговорах.

В результате события войны отражаются в дневниках Юнгера сквозь плотную ткань эмоций и настроений, сновидений и размышлений о природе и литературе. Общее отношение автора к войне проясняют его слова о бесплодности умствований «над тем, когда же она кончится. Эта дата не зависит от нас, но в нашей власти – черпать радость для себя и для других хотя бы в погоде. Тем самым мы удерживаем в себе толику мира».¹⁴ Однако постепенно в орбиту войны втягивалось все больше близких Юнгеру людей, росло количество писем, в которых «выжившие читатели» писали о погибших, известиях о смерти знакомых и гибели их домов при бомбардировках, а в самом конце войны погиб на фронте и его сын Эрнст.

Осознавая свое духовное одиночество художника, находившегося над схваткой, Юнгер писал: «Самое ужасное в том, что свободы нет ни у одной из партий, и сражаться приходится в одиночку. Воистину можно позавидовать поденщикам этой войны, честно гибнущим на отдельных ее участках».¹⁵ В связи с этим необходимо коснуться сложного вопроса об отноше-

нии Юнгера к нацизму. Яркий правоконсервативный мыслитель, чрезвычайно популярный в Веймарской Германии рубежа 1920–1930-х гг., Юнгер рассматривается порой как один из его идейных предшественников, обосновавших тотальную политическую мобилизацию и тотальность труда в современную эпоху.¹⁶ Но в 1933 г. Юнгер отказался вступить в реорганизованную нацистами Прусскую академию искусств, а в прозрачных аллегориях романа «На мраморных утесах» прозвучала критика национал-социализма. Руководство третьего рейха испытывало серьезное недоверие к писателю, цензура запретила ряд его работ, и самого Юнгера от ареста спасла только личная благожелательность к нему Гитлера.

Дневниковые записи свидетельствуют о неприятии Юнгером способов ведения войны нацистским руководством: «есть мясники, своей собственной рукой убившие людей больше, чем может насчитать жителей средний город. Свет дня меркнет от таких вестей». Увиденная впервые во Франции желтая звезда Давида на одежде евреев вынудила его стыдиться мундира, ибо для Юнгера сохраняли значение аристократические представления об офицерской чести: «Мундир обязывает оказывать защиту там, где она требуется».¹⁷ Известия о концлагерях, массовых способах умерщвления людей, еврейских гетто позволяли ему ощущать «такие страдания людей, что опускаются руки. Отвращение охватывает меня тогда перед мундирами, погонами, орденами, оружием, чей блеск я так любил». Автор с сожалением констатировал: «Старое рыцарство умерло; войны ведутся технологами уничтожения». Более того, знание подобных вещей, по словам Юнгера, начинало «влиять если не на мое отношение к отечеству, то уж во всяком случае, на мое отношение к немцам».¹⁸

Особую катастрофичность Вторая мировая война приобрела для Юнгера после нападения Германии на СССР, придавшего ей роковой характер. 24 июня 1941 г. он записал: «Уже три дня мы находимся в состоянии войны с Россией; странно, как мало затрагивает меня эта весть».¹⁹ Но через несколько месяцев, 8 октября он отметил, что события в России, вызвали у него «своего рода духовный шок. Кажется, война спускается с лестницы, устроенной по законам неведомой драмы. Впрочем, об этом

можно только догадываться, поскольку тот, кто переживает этот процесс, ощущает его как стихию». Несмотря на первые успехи вермахта, автор осознал неизбежность грядущих потрясений: «Пучина близка, она увлекает за собой, и нигде, даже на этом старом острове, нет укрытия. Ее прибой проникает уже и в лагуны».²⁰ 25 января 1942 г. он записал, что прочитанное в Библии ужасное проклятье заставило его вспомнить Россию: «Небо твое над головою твоей будет железом, и земля под тобою железная».²¹

Россия, хорошо знакомая по русской классической литературе и одновременно совершенно неизвестная, пугала и одновременно манила писателя, его притягивало к ней. До находившегося во Франции Юнгера доносились лишь отголоски событий на Восточном фронте. Эти рассказы («каприччос с Востока») представляли собой обычные слухи, своеобразные свидетельства реакции определенной части немецких офицеров на войну с Россией. Так, Юнгер приводит рассказ об одном русском полковнике, которого взяли в плен с остатками его полка, много недель проведенного в окружении: «На вопрос, где он доставал продовольствие для части, тот ответил, что они питались трупами. На упреки в свой адрес он добавил, что сам потреблял только печень».²² «Русские вчера сообщили, что когда с немецких военнопленных хотели снять сапоги, то они снимались вместе со ступнями». Впрочем, далее автор зафиксировал собственное отношение к подобным историям: «Таковы пропагандистские байки из этого ледяного ада».²³

В дневниках Юнгера нашла отражение потрясавшая воображение жестокость и шокировавшие потери на Востоке: «Там становится действительностью множество самых мрачных наших снов; происходят вещи, приход которых был очевиден еще более семидесяти лет назад, – теперь это наша историческая реальность».²⁴ По словам Юнгера, война на Востоке приняла «абсолютный масштаб». Там шла «война между государствами и народами, война гражданская и религиозная с зоологическим уклоном».²⁵ Часто присутствовали в дневниках и описания русских морозов. В купе поезда лейтенант, прибывший с Восточного фронта, рассказал писателю, как его батальон потерял треть состава из-за обморожений, часть кото-

рых закончилась ампутацией конечностей: «Тело сначала белеет, потом становится черным. Разговоры об этом стали повсеместным явлением. Есть лазареты для солдат с отмороженными половыми органами, глаза тоже в опасности. К постоянной стрельбе добавился мороз со своими страшными ножницами».²⁶ В письмах близких Э. Юнгера также не раз звучали жалобы на обморожения.²⁷

В конце 1942 – начале 1943 г. Юнгер побывал в служебной командировке на Восточном фронте. 21 ноября он прилетел в Киев, затем в Ростов-на-Дону, оттуда поездом отправился на юг. Юнгер побывал на самых южных участках Восточного фронта, в Кропоткине, Ворошиловске (Ставрополе), Черкесске, Теберде, Белореченской, в частях, воевавших под Туапсе и на кавказских перевалах. Дважды, проездом, 12 декабря 1942 г. и 2 января 1943 г., он посещал и Майкоп.

Поездка позволила увидеть воочию новую, неизвестную прежде страну с давно волновавшей писателя культурой. Однако оккупированная Россия оказалась во многом лишена былого магического очарования: «Глаз должен притерпеться к виду, невыносимо тягостному; нет ничего, на чем бы он мог успокоиться. В порядке только техника – железные дороги, машины, самолеты, громкоговорители – и, разумеется, все, что относится к вооружению. И напротив, недостаток в самом необходимом – в питании, одежде, тепле, свете. Еще очевиднее это в отношении более высоких сфер жизни, того, что нужно для радости, счастья и веселья и для щедрой, любящей творческой силы. И все это – в одной из богатейших стран, какие есть на земле».

В «Кавказских заметках» предстает картина всеобщей разрухи в оккупированных советских областях, проемы окон сожженных корпусов, проваленные полы, болтавшиеся на голых стенах батареи парового отопления, росшая из подвалов чаща железной арматуры, беспризорные дети, копавшиеся в горах золы: «Идешь миром запустения, где хозяйничают крысы».²⁸ Все эти унылые картины, бытовые неудобства и ужасные запахи вызвали отвращение писателя, хотя только к ним не сводились впечатления о России. Описывая повседневную фронтовую жизнь немецких военнослужащих «на грани возможного», он отмечает: «Удивительно,

как нити жизни продолжают тянуться среди всеобщего уничтожения. И не будь больше почты, они бы все равно тянулись через пространство».²⁹

Осуждение нацистских жестокостей носило у Юнгера не рациональный, а глубоко нравственный характер, он испытывал «чувство, похожее на тошноту» при встрече с людьми, имевшими к ним отношение. Это мешало автору абстрагироваться от окружающего мира, удержаться над ним: «Я должен пересмотреть свои максимы; мое моральное отношение к людям становится все напряженней». Чтобы остаться самим собой он пытался по-прежнему сохранить дистанцию от происходящих событий. Для этого Юнгер считал необходимым оценивать их «как рыб в коралловом рифе или насекомых на лугу, или как врач рассматривает больного». В словах писателя видна попытка сохранить моральное самообладание: «Прежде всего, следует уяснить, что подобное имеет силу только в низшем чине. В моем отвращении к этому проявляется еще слабость, причастность к красоте мирской». Оставаясь верным себе, он пытался понять суть происшедшего: «Нужно разглядеть логику насилия, стараясь уберечь себя от украшательства в стиле Милле или Ренана, но в той же мере – и от гнусной роли бюргера, из надежного укрытия поучающего своих партнеров по чудовищной сделке».³⁰

Хотя презрение к тем, кто проявлял безмерную жестокость, не сопровождалось реальными действиями, Юнгер оказался близок ко многим участникам армейского заговора 1944 г. против Гитлера. По-видимому, поездка писателя на Восточный фронт и была вызвана стремлением его руководителей выяснить настроения в войсках. Круг офицеров во главе с начальником штаба командующего вермахтом в Париже, одним из самых активных участников заговора полковником (впоследствии – генерал-лейтенантом) Г. Шпейделем он охарактеризовал как «пребывающий в чреве Левиафана рыцарский орден, стремящийся сохранить сердце для слабых и незащищенных».³¹

Определенное уважение Юнгера вызывали и другие представители военной касты Германии, портретные зарисовки которых порой достаточно непривычны. Так, главнокомандующий немецкими войсками во Франции генерал Отто фон Штюльпнагель удивил Юнгера сме-

шением «изящества, грации, гибкости, что делает его похожим на придворного, распорядителя танцев, сухого и меланхоличного. Его речь отличается испанской вежливостью; он носит высокие лаковые сапоги и золотые пуговицы на мундире». Опыт личного восприятия для Юнгера важнее сложившихся представлений, хотя он и отметил, что «о слабости, в которой его упрекает руководство, не может быть и речи. Как многих старых профессиональных военных, упрек в слабости, «осторожничанье», задевает его больше всего».³²

Новый главнокомандующий и двоюродный брат предыдущего Генрих фон Штюльпнагель заслужил еще большее уважение писателя. По словам Юнгера, в отличие от своего предшественника, он обладал непринужденностью и аристократизмом: «Его украшает улыбка, привлекающая к нему людей. Это сказывается во всем, прежде всего в его обходительности».³³ Юнгер считал генерала одним из тех людей, которые стали для него «неожиданным подарком судьбы, когда уже было невозможно дышать», разговаривал с ним о ботанике и византийской истории, в которой тот оказался сведущ. По его словам, генерал «был наделен княжескими чертами, как и подобает должности проконсула. К этому следует добавить его умение ценить покой и досужее времяпровождение, а также его влияние на небольшой духовный круг людей... Его благородный характер склонен оценивать человека духовно. Его жизнь напоминает жизнь ученого, в часы долгих болезней прочитавшего огромное количество книг... При этом он как полководец прекрасно справлялся со своим делом, как государственный муж – умел вести переговоры, а как политик – никогда не терял контроль над ситуацией. Все это делает понятным, почему с самого начала он был противником Кнэболо [под этим именем в «Излучениях» упоминается Гитлер – *Е. К.*].»³⁴

В то же время Юнгер демонстрирует критическое отношение к другим немецким генералам, в которых проявлялось «общее бессилие буржуазии и аристократии. Остроты их взгляда хватает, чтобы видеть, к чему ведут события, но у них недостаточно сил против умов, не знающих других средств, кроме насилия».³⁵ Автор дважды цитирует французского политика Л. Гамбетта о том, что не встречал храбрых

генералов. По его словам: «Генералы в большинстве своем энергичны и глупы, т.е. обладают тем деятельным и диссонирующим свойством ума, который присущ каждому добросовестному телефонисту и которому толпа платит тупым восхищением. Если же они образованы, то компенсируют это жестокостью, неотъемлемой частью их ремесла. Так, им всегда чего-то недостает – либо воли, либо кругозора. Соединение деятельного усилия и образования... встречается весьма редко. По этой причине генералы являются чаще всего пособниками тех, чьими услугами они пользуются».³⁶

Провал заговора против А. Гитлера и арест его участников вызвал сожаление Э. Юнгера именно потому, что пострадал «узкий круг последних рыцарей, свободных умов, тех, кто умеет мыслить и чувствовать по ту сторону глухих страстей». Однако сами принесенные жертвы, по его словам, оказались не напрасны, «ибо они создают внутреннее пространство и предотвращают падение нации как целого, как монолита, – падение в страшные недра судьбы».³⁷ За этими словами скрывается реальная угроза, существовавшая для жизни и свободы самого писателя, дело против которого было прекращено по личному указанию Гитлера, его лишь отправили в отставку из вермахта.³⁸

При этом Юнгер не верил в успех заговорщиков, которые не могли изменить ход истории: «Даже если бы операция удалась, у нас вместо одного нарыва появилась бы их целая дюжина, с кровавыми судами в каждой деревне, на каждой улице, в каждом доме. Нам уготовано испытание – обоснованное и необходимое, и эти маховики остановить уже невозможно». Это испытание носило для писателя сугубо внутренний, нравственный характер. Приняв 5 января 1945 г. командование местным фольксштурмом, он записал в дневнике: «Мы находимся в ситуации, единственным положительным моментом которой является безвыходность, указывающая интеллигенции на ее внутренние и действительные бастионы».³⁹

Действия противников Германии, особенно бомбардировки немецких городов, первые упоминания о которых встречаются, начиная уже с 1942 г., а особенно часто в записях 1943–1945 гг., также вызывали осуждение писателя за свою бессмысленную жестокость: «Такое впечатление, будто забивают скот. Мера боли,

по-видимому, еще не исполнилась».⁴⁰ Дневники содержит описания превратившихся в руины кварталов Гамбурга, Кельна, Дрездена и других городов, гибель значительного количества мирных людей в результате бомбардировок и пожаров, «вереницы поседевших детей, маленьких старичков, состарившихся за одну фосфорную ночь».⁴¹ В то же время автор признавал, что «эта бойня вызывает в мире удовлетворение. Немец находится сейчас в точно такой же ситуации, в какой находились в Германии евреи. И все же это лучше, чем видеть его неправым властелином; его несчастьем можно посочувствовать».⁴²

Юнгер выделил изменение характера Второй мировой войны, в которой «ощущение страдания притупилось», стало ее прямой принадлежностью, «скорее правилом, чем исключением. Мы здесь в одной из самых больших в мире мясорубок, какие были известны со времен Севастополя и русско-японской войны». Сама война, по его мнению, приобрела технократический характер: «Мир автоматов, техники испытывает силу земли, ее жизнеспособность, так все это и возникает. По сравнению с этим Верден, Сомма и Фландрия – лишь эпизоды». Утратившие свободу люди «чувствуют себя частью машины, в которой на их долю выпало только пассивное участие». Войну ведут «новые властители, пренебрегающие древним понятием военной и рыцарской чести».⁴³

Это обусловило кардинальные отличия в восприятии Юнгером двух мировых войн. В 1914 г. он ушел на войну добровольцем, окончил ее офицером рейхсвера, не раз проявлял отчаянную храбрость на фронте, за что был удостоен высшей прусской награды – ордена «За заслуги». Мобилизованный в августе 1939 г. в армию в звании капитана, Юнгер во все не полагал себя участником крупнейшего международного конфликта на стороне какой-либо из сторон. Поэтому он стремился не изменять прежним привычкам, читал, размышлял, совершал экскурсии, изучал быт, наблюдал за фауной, главным образом, за насекомыми, заводил знакомства. Писатель ощущал себя «втянутым совсем в иные коллизии, нежели в конфликты между борющимися национальными государствами».⁴⁴ А известие о вступлении в войну Японии привело его к печальным прогнозам: «Именно 1942 год может быть тем го-

дом, в котором больше, чем когда-либо, людей отойдет в загробный мир». Он даже утверждал: «Я ловлю себя на том, что путаю союзников; иногда мне кажется, что это японцы объявили нам войну».⁴⁵

Несмотря на всю созерцательность дневников Юнгера, на их страницах можно встретить немало любопытных зарисовок поведения людей в чрезвычайных условиях военного времени. Например, он описал широкое распространение слухов о появлении «нового оружия, о чем в Германии, при тайном участии и режиссуре пропаганды, повсюду нашептывают друг другу чудеса. Считают, что оно может уничтожить целые группы или даже все английское население».

Сохраняющий рассудительность автор утверждал: «Так, на пепелище возникают надежды и мечтания, которые тешат себя истреблением целых народов. До какой степени люди запутались в кроваво-красной чащобе, можно судить уже по тому, что священник, служитель культа, не только одержим этим безумием, но и усматривает в истреблении единственное благо». Особенно широко слухи о новом и неизвестном германском оружии распространялись в условиях подготовки и непосредственной высадки союзников в Нормандии. Юнгер объяснял это тем, что командование вермахта, «не способное на новые идеи», пыталось таким образом вселить в население надежду: «Удивительна полная беспомощность, с какой толпа судит о своем положении, позволяя себя обманывать и впадая в состояние, близкое к эйфории».⁴⁶

Несмотря на то, что Юнгер называл Париж своей второй духовной родиной, ему пришлось испытать неприязнь значительной части французского общества к оккупантам. Так, при покупке записной книжки в магазине он отметил «выражение лица обслуживавшей меня девушки, следящей за мной с невероятной ненавистью». Причина для автора вполне очевидна: он «был в мундире». С течением времени эти негативные чувства все более усиливались: «Перед общественными конторами и магазинами очереди, которые непрерывно растут. Когда я в униформе прохожу мимо них, то ловлю на себе взгляды величайшей неприязни, направленной жадной кровью. По выражению лиц видно, какая бы была радость, если бы я рас-

творился в воздухе, исчез как дурной сон».⁴⁷ В дневниках упоминается о том, что французские знакомые писателя, сотрудничавшие с оккупантами, получали по почте своеобразные «черные метки» – маленькие гробы или письма с угрозами.

Показательны и наблюдения над поведением населения Германии в ожидании конца войны: «На улицах нарастает какое-то беспокойство, лихорадка, означающая приближение фронта. Крестьяне закапывают серебро и продукты и готовятся к уходу на болота. За деревней выкапывают защитные траншеи».⁴⁸ Избранная Юнгером надмирская позиция позволила ему спокойно отнестись, в отличие от многих других жителей Германии, к изменениям в прежнем укладе жизни, а отдельные перемены даже получили положительную оценку: «ситуацию нельзя назвать неприятной. Партийные приказы, продуктовые карточки, полицейские предписания потеряли свою злободневность. Ганноверское радио тоже перестало вещать. Голоса, часами упивавшиеся фальшивым пафосом, замолкают в час опасности, когда информация о положении дел населению жизненно необходима. Не слышно даже сирен воздушной тревоги».⁴⁹

Итог войны для Юнгера вполне логичен: «Самую скверную службу сослужили немцам их успехи, – во всех дерзких операциях победа в самом начале опасней всего. Она – приманка, крючок, на который попадается алчность... После победы над Францией бюргерство тоже было убеждено, что все в порядке. Ему уже не был слышен глас обездоленных». Таким образом, крах третьего рейха имел под собой серьезные нравственные основания. Впрочем, по его словам, «западные державы переживают сейчас схожую ситуацию. Ужас делает их безжалостными. В той мере, в какой их оружие обретает превосходство, они перестраивают свои передатчики с восхваления справедливости на мстительные угрозы. Язык разума вытесняется насильем».⁵⁰

Именно поэтому поражение Германии волновало Юнгера, но не из-за возможных негативных материальных последствий, а в широком, историческом смысле: «я ощущаю вторжение могучей сверхвласти в совершенно поверженную сферу... От такого поражения не оправиться во веки, как уже было после Йены

или Седана. Оно означает поворот в жизни народов – речь идет не только и физической смерти множества людей, но и о гибели того, что волновало нас в нашей сокровенной сути». Отказываясь принимать многое из содеянного ее нацистским руководством, Юнгер испытывал тревогу за дальнейшую судьбу страны: «Можно видеть необходимое, понимать его, хотеть и даже любить и при этом страдать от невыносимой боли».⁵¹

Все это позволяет считать Эрнста Юнгера тонким и чутким наблюдателем событий военных лет, а его взгляды оценивать как не совсем привычный для отечественной историографии подход к войне. В соответствии со сложившейся традицией, она обычно рассматривается с точки зрения ее непосредственного участника, что объясняется не только идеологическими стереотипами, но и понесенными жертвами. Память о них и ненависть к противнику транслируется через различные источники официального и личного происхождения, закрепляется в массовом сознании при помощи институтов социализации. Напротив, Юнгер занял позицию художника, стоящего над конфликтом, оценивающего войну сугубо в нравственном отношении, стремящегося раскрыть ее философский смысл, логику развития, пропущенную сквозь призму личных впечатлений. Данный подход, малоприменимый в решении тех или иных конкретных проблем военной истории, способствует осмыслению самого феномена войны.

Примечания:

- ¹ См.: Великая Отечественная война: факт и документ в исторических исследованиях и художественной литературе. Беседа историков и писателей за «круглым столом» // История СССР. 1988. № 4. С.3–44; Сенявская Е. С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С.101–109; Цимбаев Н. И. Проза В. Кондратьева: наблюдения историка // Там же. С.110–123 и др.
- ² Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. Т.1. 1941 год. М., 1981. С.4.
- ³ На возможность использования дневников Юнгера в качестве источника для осмысления философии войны обращает внимание в работе: Хлынина Т. П. Войны в истории XX в.: проблемы теории и методологии исследования // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.). Сб. науч. ст.

по итогам Международ. науч. конф., посв. 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 15–17 апреля 2003 г. Волгоград, 2003. Ч.1. С.6–13. См. также: Кринко Е. Ф. Вторая мировая война в дневниках Эрнста Юнгера // Личность, общество, культура в историческом процессе: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е. Г. Блосфельд. Волгоград, 2004. Вып.1. С.143 – 153.

- ⁴ Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000.
- ⁵ Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). СПб., 2002. С.657.
- ⁶ Солонин Ю. Н. Дневники Эрнста Юнгера: впечатления и суждения // Юнгер Э. Излучения... С.759.
- ⁷ Юнгер Э. Излучения... С.36, 265.
- ⁸ Там же. С.709.
- ⁹ Солонин Ю. Н. Указ. соч. С.740.
- ¹⁰ Юнгер Э. Излучения... С.37.
- ¹¹ Там же. С.113.
- ¹² Солонин Ю. Н. Указ. соч. С.739.
- ¹³ Юнгер Э. Излучения... С.136.
- ¹⁴ Там же. С.187.
- ¹⁵ Там же. С.65.
- ¹⁶ См. подробнее: Филиппов А. Облик работника и революция справа: к истории радикального консерватизма // Россия XXI. 1996. №1–2. С.82–98 и др.
- ¹⁷ Юнгер Э. Излучения... С.106, 130, 142.
- ¹⁸ Там же. С.273, 442.
- ¹⁹ Там же. С.41.
- ²⁰ Там же. С.45.
- ²¹ Там же. С.85.
- ²² Там же. С.103.
- ²³ Там же. С.82.
- ²⁴ Там же. С.96.
- ²⁵ Там же. С.303.
- ²⁶ Там же. С.72.
- ²⁷ Там же. С.85.
- ²⁸ Там же. С.221–222.
- ²⁹ Там же. С.267.
- ³⁰ Там же. С.588–589.
- ³¹ Там же. С.58.
- ³² Там же. С.98–99. Отто фон Штюльпнагель (1878–1948), с 1940 по 1942 гг. возглавлял военную администрацию во Франции, из-за проводимой им жестокой оккупационной политики пользовался репутацией самого ненавистного человека во Франции. После разгрома Германии покончил жизнь самоубийством.
- ³³ Карл Генрих фон Штюльпнагель (1886–1944) – генерал пехоты, с 1942 г. возглавил военную администрацию во Франции, сменив своего брата. Один из руководителей антигитлеровского заговора в июле 1944 г., произвел бескровный, но неудачный переворот в Париже. Получив приказ приехать в Берлин, пытался застрелиться, но лишь

потерял зрение. Приговорен к смертной казни и повешен.

³⁴ Юнгер Э. Излучения... С.110, 206, 593.

³⁵ Там же. С.99.

³⁶ Там же. С.593.

³⁷ Там же. С.611.

³⁸ Солонин Ю. Н. Указ. соч. С.758.

³⁹ Юнгер Э. Излучения... С.610, 683.

⁴⁰ Там же. С.705.

⁴¹ Там же. С.156, 184, 209, 213, 387, 420, 643, 674 и др.

⁴² Там же. С.724.

⁴³ Там же. С.261–262, 560.

⁴⁴ Там же. С.214.

⁴⁵ Там же. С.69, 70.

⁴⁶ Там же. С.464, 605. Подробнее о возникновении и распространении слухов в годы войны см.: Кринко Е. Ф. Слухи Второй мировой войны // Диалоги с прошлым. Исторический журнал. Майкоп, 2002. № 2. С.58–63; он же. Слухи военных лет (1941–1945 гг.) как исторический источник // Человек в экстремальных условиях военного времени: историко-психологические исследования. Материалы XVIII Международ. науч. конф., Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: В 2 ч. СПб.: Нестор, 2005. Ч.1. С.273–277 и др.

⁴⁷ Юнгер Э. Излучения... С.164, 467.

⁴⁸ Там же. С.725.

⁴⁹ Там же. С.732.

⁵⁰ Там же. С.703.

⁵¹ Там же. С.736.